

ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ. СЕКРЕТ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА ИНТЕРВЬЮ С ПИСАТЕЛЕМ И ПОЭТОМ

Моряк-писатель, поэт, журналист Владимир Михайлович Тыцких является Заслуженным работником культуры России, действительным членом Русского географического общества, помощником командующего Тихоокеанским флотом по работе с ветеранами.

«На высоте океана» – так называется новая книга поэта Владимира Тыцких. Она стала пятой в серии избранного, первый томик которого увидел свет в 2019 году. Дипломом книжной выставки «Печатный двор» отмечены предыдущие книги В.М. Тыцких: «Сердцу не прикажешь не любить», «Не бывает Родина далёкой», «Всё остаётся другим», «Рядом с восходом». Все они вышли в издательстве Александра Яковца «Русский остров» и содержат общий мотив – Дальний Восток, край приморский, тихоокеанский. В то же время у каждого сборника своя стержневая тема, что видно уже по названиям. Пятая книга – самая морская в серии. Автором предисловия к ней стал известный ещё во времена СССР писатель, сегодня флагман российской маринистики, Николай Черкашин.

Выбор автора предисловия не случаен. Н.А. Черкашин знаком с морскими судьбами и творчеством многих флотских поэтов. В своём предисловии он пишет: «Жизнь и судьбу своих соратников по 19-й бригаде подплава Владимир Михайлович Тыцких обратил в песни. Песни, которые поют и на концертах, и в тесных компаниях. И это тоже особое свойство поэтического дара Владимира Тыцких. Далекое не все стихи становятся песнями. А если и становятся, не все поются. У Тыцких поются и ещё как! Это и «Песня недалежного похода», «Полотнище Андреевского флага»,

«Над волной Амурского залива», «Баллада о Чёрной речке»... Ураган, ветер, шторм – все эти бурные стихии стали лейтмотивом стихотворений этого сборника...»

*Как рассказать о море, о походе
Тебе, родная, вам, мои друзья?
О том, как звёзды плавно хороводят
Над мачтами и рубкой корабля;
О чуткой настороженности пушек
И резких звуках боевых сирен,
О том, как ветер – то ясней, то глуше –
Гудит в плену внимательных антенн;
Как быстро над кипящею волною
Плывёт и тает за кормою дым,
Как быт земной, как всё вдали земное
Становится отчаянно родным;
Как сердце встречи с берегом желает,
Как долго, долго, долго встречи ждать...
Кто в море не ходил, о том не знает.
А кто ходил, не сможет рассказать.*

– Владимир Михайлович, вышла пятая по счёту в серии изданий «Избранное» книга – «На высоте океана», воплотился ли Ваш проект в жизнь или он ещё продолжается?

– Продолжается. Уже сложилась шестая тетрадка: «С правом ношения». В неё вошли стихи, образно говоря, о жизни в погонах. Она адресована людям, посвятившим себя военной службе – тому не просто трудному, но рискованному, жертвенному делу, которым во все времена была и всегда будет вооружённая защита Отечества. О них, об этих людях, в очерке «Адмирал П.С. Нахимов» говорит выдающийся советский флотоводец Иван Исаков: «Самое высокое звание в жизни – быть воином, выше

этого – только звание русского воина». Эта удивительная, я бы сказал, литая, кованая фраза стала эпиграфом к сборнику «С правом ношения». Понятие «русский воин», как оно исторически сложилось, очень объёмное. Так же, как слово «русский». Это нечто гораздо большее, чем обозначение национальности. Скажем, сам Иван Исаков – Адмирал Флота и Герой Советского Союза, член-корреспондент Академии наук, депутат Верховного Совета и член Союза писателей СССР, лауреат Сталинской премии –

урождённый Ованес Тер-Исаакян, сын армянина Степана Исаакяна и эстонки Иды Лауэр. При этом – подлинно русский воин. Как были и остаются русскими воинами полушотландец-полунемец Михаил Барклай-де-Толли, поляк Константин Рокоссовский, украинец Василий Порик, татарин Муса Джалиль, сын лакца и крымской татарки Султан Амет-Хан – список этот практически необозрим.

«Время офицеров» – так называется последняя книга Кавада Раша. Он не служил ни в армии, ни на флоте, но, благодаря своему литературному творчеству, прежде всего – публицистическому, вошёл в ряд самых значительных военных писателей и получил звание капитана 1 ранга. Раш способствовал формированию моих убеждений, моего взгляда на мир. С первых его книг, которые я читал уже в юности, сразу и на всю жизнь запомнив настоящее имя писателя, – Карем Багирович Раш. А в восьмидесятые годы прошлого века в качестве редактора оказался причастен к публикациям из номера в номер газеты «Боевая вахта» большой работы Карема Раша «Армия и культура». Его «Время офицеров» имеет подзаголовок: «Письма русскому офицеру». По национальности Карем (Кавад) Раш – курд, но, безусловно, считал себя именно русским офицером. Хочу похвастаться – Карем

Багирович подарил мне свои «Письма...». В большеформатном томе более 700 страниц. Думаю, «Письма...» должны быть настольной книгой у российских военных всех родов войск. Да и не только у военных.

Что касается моего избранного, то работа над ним далеко не завершена. В замысле ещё, как минимум, одна – две книги. И после этого кое-что останется. Например, стихотворения, которые не войдут в новые сборники не только в силу ограниченного объёма изданий, но и из-за тематических и жанровых особенностей. Допустим, посвящения родным, друзьям, сослуживцам можно собрать под одной обложкой. А есть ещё какие-то не очень комплиментарные тексты, адресованные конкретным людям, эпиграммы, некие ответы «доброжелателям», которых они настоятельно требуют публично и печатно. Время покажет, что со всем этим выйдет. Может, и не выйдет ничего. Отношусь к этому спокойно. Конечно, жить и не смотреть вперёд нельзя. Однако и слишком далеко заглядывать недосуг. Мне важно, что я должен делать и делаю сейчас.

Повестка

*Весна, как яхта на волне,
Шла весело и франтовато,
Но жизнь перекроила мне
Повестка из военкомата.*

*Припас я хлеба и махры,
Братишкам раздарил рубахи.
Мои цивильные вихры
Скосил под корень парикмахер.*

*Сосед шумел: – Просись на флот,
Даю совет – вернёшь с процентом!..
Была как первый сбор-поход
Дорога в область из райцентра.*

*И, тёплый выдохнув гудок,
На стыках рельс чечётку выбив,
Качнулся поезд на восток
Протяжной колеёй Транссиба.*

*И в дальней-дальней стороне
В штормах за мысом Поворотный
Не торопясь открылись мне
Железные законы флота...*

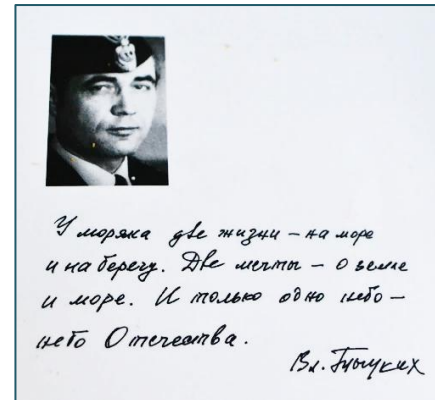
*Не повторить весну мою
Годам, спрессованным до взрыва,
Но я по-прежнему в строю
Матросом майского призыва.*

Живое дело

– Как создавалось «Избранное»? Сюда вошло всё, что было написано за многие-многие годы?

– Копилось, сберегалось по углам, да, многие годы, на протяжении всей творческой жизни. Но вошло, конечно, не всё. Это избранное. Если бы «всё», то уже было бы «полное собрание сочинений». Серия тематических книжек, изданных в одном формате, как-то подытоживает многодесятилетнюю поэтическую вахту. Желание это сделать созрело сравнительно недавно, лет, может быть, пять назад. Каждый сборник – результат большой долгой работы. Это не механическое собирание того, что уже лежит в столе. Вот, в рассказе, повести, романе есть тема, сюжет, композиция. Всё это должно быть и в поэтической книжке. Без них она теряет цельность, распадается на отдельные стихотворения, связанные одно с другим разве только именем автора. Между тем, все, от первой до последней, страницы книги должны быть «притёрты» между собой, держаться сквозного объединяющего смысла, если хотите, единой общей идеи. Особое требование к конструированию поэтического сборника – учёт ритмического,

музыкального рисунка каждого стихотворения и даже отдельных слов, присутствующих в тексте. Нужно избежать похожести, повторов, монотонности. В этом смысле многие давно написанные

стихотворения меня не устраивали. Их пришлось дорабатывать, а то и переписывать. В итоге изданная книга, в целом соответствуя замыслу, по множеству деталей отличалась от того, как виделась вначале. Она словно подсказывала, даже диктовала, какой хочет быть. И ты, в рамках своих творческих возможностей, старался

исполнить её волю. Для этого иногда приходилось писать и совершенно новые стихотворения.

Кажется, Алексея Толстого спрашивали, как он создаёт свои вещи, а он отвечал, что заранее ничего не придумывает: есть герои, которые ведут его за собой. Они, в согласии со своим характером, совершают определённые поступки, вершат свою и, может быть, чужую судьбу, а писателю остаётся это угадать, представить и рассказать об этом.

Книга, правда, растёт из себя, и ты вместе с ней чему-то учишься, что-то открываешь, сталкиваешься с вопросами, требующими решения. Живое дело, и оно продолжает оставаться для тебя таким вплоть до отправки рукописи в типографию. Но и потом, когда получаешь оригинал-макет, десять раз перечитанный на всех этапах предпечатной подготовки, опять там что-то правишь. Какое-то слово заменяешь, что-то выбрасываешь или добавляешь. Возможно, у других литераторов по-другому, но у меня всегда так.

– У Вас целый год уходит на подготовку одной книги?

– Первая, если говорить об избранном, готовилась в течение года, следующие – уже по две в год стали выходить. Но создается

книга десятилетиями. Как-то я приглашал Джона Кудрявцева (талантливого приморского художника, карикатуриста, оформителя – ред.) на встречу со студентами художественного факультета Института искусств. Джон потряс рассказом, образностью речи, глубиной мысли. Его тогда спросили, сколько же он к этой встрече готовился. Ответил: «Всю жизнь». Это – правда. Чтобы написать хоть одно стихотворение, надо родиться, прожить какой-то кусок жизни, научиться чему-то. Элементарно – азбуку освоить. Получить какой-то опыт, увидеть какие-то сюжеты, осмыслить их. Только потом – выразить словами, строками. Что-то написать можно за день, а то и за час-другой. Но к этому надо стать готовым. Ничто не берётся из ниоткуда. Всё-таки литература – это концентрированное выражение жизни. Придумать можно всё, что угодно. Мне это не интересно. Мне дорого то, что содержит сердечные переживания, работу ума, духовный, профессиональный, даже самый повседневный бытовой опыт конкретных людей в конкретных обстоятельствах. Это меня волнует и вдохновляет.

Геннадия Турмову

*Россия! Меж сонных погостов
По вечным степям и лесам
Живут мои братья и сёстры
И смотрят в Твои небеса.*

*Идёшь Ты от самых истоков
Как будто бурлак бечевою.
О как высока и жестока
Судьба Твоя, Боже ты мой!*

*Россия! Длинные Твои вёрсты,
Неисповедимы пути.
Скажи: мои братья и сёстры –
Не Ты ли сама во плоти?*

*И счастья нам нет, и покоя.
Лишь в сердце сжигающий свет
И что-то родное такое,
Чему объяснения нет.*

О дружбе и понимании

– Почему это стихотворение Вы посвящаете Геннадия Петровичу Турмову?

– Геннадий Петрович всегда приглашал меня на важные и интересные события, на презентации своих изданий, дарил их мне. Но суть, конечно, не в этом. Многие другие и приглашали, и книги дарили во множестве. Таких книг – больше тысячи.

Когда профессор Турмов был принят в члены Союза писателей, мои отношения с Приморской писательской организацией, которой я руководил шесть лет, уже, мягко говоря, оставляли желать лучшего. Не буду вспоминать причину и подробности старой истории, некрасивой и долгой. Главных её зачинщиков уже нет в живых. Да и память отодвинулась от неё так далеко и спокойно, как будто история эта случилась не со мной. А тогда я переживал из-за несправедливой, незаслуженной обиды. Да и некая группа очень активных товарищей с улицы 25 Октября в покое не оставляла. Вместе с Юрием Кабанковым, Вячеславом Протасовым я отошёл от них на безопасное расстояние, мы просто забыли дорогу в родную писательскую организацию. И тогда под удар попали те коллеги, которым мы давали рекомендации, писали предисловия к книгам, устраивали публикации в газетах и журналах, с которыми нормально общались и, казалось, крепко дружили многие годы. Им был предъявлен ультиматум – отвернуться от нас и, чтобы искупить свою вину за связь с нами, публично, что называется, пригвоздить нас к позорному столбу. Крепко давили и на Геннадия Турмова. Детские какие-то игры, глупость несусветная, смех, да и только. Но смех горький. Некоторые наши друзья перестали ими быть. Турмов устоял. Более того в момент, когда нас очень активно пытались рассорить,

написал мне: «Мы с вами в одном отсеке». Он подводник, капитан I ранга. И это тоже нас сближало.

У меня есть рассказ: «С ним можно ходить по воде». Рассказ о нём, о Геннадии Петровиче. И он про меня сказал своё доброе слово. Небольшое, в пару страничек, воспоминание о совместной поездке в Дальнереченск Геннадий Петрович назвал так: «С ним можно идти в разведку». На память о нём у меня осталась медаль Международного союза книголюбов «Иван Фёдоров», которую по представлению Геннадия Петровича и в его присутствии мне вручил наш общий московский друг Валерий Поволяев.

Я не могу просто взять какое-то стихотворение и посвятить его тому или иному человеку, даже если уважаю и люблю его больше других. Нужно, чтобы оно как-то ассоциировалось с тем, кому посвящается. Стихотворение «Россия! Меж сонных погостов...» показывает, как я понимал Геннадия Турмова, за что его ценил, почему дорожил дружбой с ним и почему благодарно о нём помню.

Баллада о выходном дне

*«Слава Богу, – сказала, – живой...»
Взгляд исполнен и счастья, и муки.
Вот я снова стою пред тобой
После долгой, как вечность, разлуки.*

*Кочевая моряцкая жизнь.
Штормовое хождение по кругу.
Долгожданная встреча, продлись!
Укрепи нашу веру друг в друга.*

*Обняла: «Больше так не могу!
Есть терпению последняя мера.
Ты со мной на родном берегу,
Ты со мной – вот и вся моя вера!»*

*Что же делать? – За всё наперёд
Мы платили высокую плату.
Выйдем к морю – лицом на восход,
А спиной повернёмся к закату.*

*В ветровом и дождливом краю
Нынче лето по-южному щедро.
Обрати меня в веру свою –
Поживём и легко, и оседло.*

*Протяни на прощанье ладонь –
Этот день повторится не скоро...
Светит солнечный вечный огонь
Над зелёным и синим простором.*

*Помоги не погаснуть огню.
Вновь подлодка к походу готова.
Обрати меня в веру свою...
До скончания дня выходного.*

Стихи живут сами по себе

– При всей своей большой повседневной загруженности, как Вы находите время для создания книг?

– Тема эта скучная для широких народных масс, а лично для меня как литератора драматичная. Знаете, я ведь работаю с 15 – 16 лет, с медицинского училища. Летом, на каникулах, в студотрядах. Зимой, во время учёбы, химизатором в туберкулёзном диспансере, медбратом в доме инвалидов – это ночные дежурства. Служба на флоте – сплошной цейтнот, там не только писать, но и читать книги ещё надо изловчиться. Мне восьмой десяток, и за всю немаленькую жизнь повезло побыть «безработным» ровно три месяца, когда после сокращения штатов в Морском университете стоял на учёте в Центре занятости.

Успех в любом деле требует от человека полной самоотдачи. Литература не исключение. Профессионально, то есть, не отвлекаясь ни на что другое, я не занимался литературой ни дня. Мой ответ на Ваш вопрос, наверное, будет нескромным, но другого у меня нет. Я работаю непрерывно, без выходных, а главное – очень быстро. Не знаю, как это получается, но то, на что большинство моих коллег потратили бы недели и месяцы, мне удаётся сделать за часы и дни. Конечно, приходится и ночи прихватывать. Вот, сэкономишь время на работе по занимаемой штатной должности – выкроишь немного для творчества. Этого не хватает на серьёзное дело. Замыслов эпохальных – десятки, но они остаются невоплощёнными, и я уже почти смирился с безысходностью. Тут речь о том, что принято называть большой прозой. Слава Богу, есть ещё поэзия. Процесс рождения стихотворений своеобразный, не позволяющий полностью от него отключиться. Ты можешь хоть чем быть занят: за грибами по лесу гулять или рыбку ловить, можешь чай пить с близкими родственниками, сидеть в президиуме высокого собрания, везти домой подвыпившего друга или картошку на кухне чистить, а в это время у тебя, в тебе, идёт какая-то работа. Что-то забудешь, что-то успеешь записать. Стихи не требуют восьмичасового рабочего дня. И не всегда я их сразу делаю от начала до конца. Вот хорошо бы: встал утром и сказал – к вечеру напишу стихотворение! Но так не бывает. Какая-то почеркушка может годами лежать. А начинаю просматривать пожелтевшие записные, и вдруг где-то что-то прорезается. Стихи, значит, живут сами по себе.

Желанной, главной работой для меня мог бы стать роман, в котором я бы поделился всем пережитым, сказал, что думаю о стране, друзьях, о самом себе, о жизни и смерти. Но подступить к нему не удаётся. На хлеб зарабатывать надо, времени нет, а если появится свободный часок, стихи его «уворовывают». Я не уверен, что работа над стихами – работа профессиональная...

– Для Вас это стало жизнью?

– Может быть, и так, но это очень высоко. Сказал бы, что это, скорее, хобби. Моя профессия – журналистика. Очень, по-моему, интересная штука. Загадочная, непредсказуемая. Вот, врачом, допустим, нельзя стать, не отучившись в вузе и не получив диплома. А журналистом без специального образования – вполне даже можно. Сам я, кстати, из таких, необразованных. С другой стороны, диплом журфака отнюдь не значит, что обладатель непременно станет Владимиром Гиляровским. Кому-то придётся пойти в воспитатели детского сада или в помощники какого-нибудь депутата. Все профессии хороши, но каждый должен заниматься тем, что ему по силам. Что важно в контексте нашей беседы: журналистика и литература – сосуды сообщающиеся. Журналист становится писателем – обычное дело. Журналист и писатель в одном лице – сколько угодно. Где кончается одно, где начинается другое? Журналистика способна стать явлением литературы. Высокой литературы. Корреспондент «Комсомольской правды» Василий Песков, собрав материалы, опубликованные в газете, издаёт книгу «Шаги по росе». И – получает за неё Ленинскую премию **по литературе**. Не лишне заметить: Василий Михайлович, окончив обычную школу и школу киномехаников, ни в каком ВУЗе не учился.

Для меня как для профессионала было бы счастьем и тестом на профпригодность написание своих «Шагов по росе». Своего, так сказать, «Тихого Дона» или «Войны и мира», почему бы и нет? Но это такое дело... Огромный труд – «от» и «до». В конце работы, страниц через пятьсот-тыщу, надо поставить точку. Вы понимаете? Тут, пожалуй, сгодится сравнение с большим-большим полем-огородом на целине. Землю надо раскорчевать, распахать, по весне засеять-засадить, потом прополоть, обработать от вредителей, по осени урожай собрать и в закрома на зиму заложить-засыпать. Долгий непрерывный процесс со своими законами, со своими хитростями. А стихи – такая необъяснимая вещь, которую я ни с чем не сравню, ни работой, ни делом не могу назвать. Тайна какая-то...

В. Тыцких с В. Гамановым на презентации поэтического журнала «Вакуум» в литературно-художественно-музыкальной студии «Паруса» ПКО РГО-ОИАК

*Не знали мы путей и поворотов,
Которые готовит нам судьба.
Однако к жизни нас готовил кто-то,
Изведавший, что жизнь всегда борьба.*

*Батьки, её хлебнувшие на фронте,
И мамы, перемогшие в тылу,
Когда могли бы фору дать Джоконде,
С улыбками танцую на балу.*

*Но их на бал ни в годы молодые,
Ни в старые судьба не позвала.
Их ждали заводские проходные,
Заместо мужиков земля ждала.*

*И мамы в поле сеяли и жали,
В цехах бессонных гнулись у станков.
Но не сгибались под бедой и ждали
С войны отцов, мужей и женихов.*

*Кто жив остался, праздновал Победу,
Но не минуло и полсотни лет,
Вдруг стали изменять отцам и дедам
Наследники великих их побед.*

*И это было даже не обидно,
Не по-дурацки глупо и смешно,
А дико незаслуженно и стыдно,
Как быть на белом свете не должно.*

*В условиях глобального прогресса
Посредством плюрализмов и свобод
Мы заразились ищурным интересом,
Врагам былым заглядывая в рот.*

*Мы в гибельную впали амнезию,
Забыв, что жизнь земная – вечный бой.
Но прежде, чем бороться за Россию,
Бороться надо нам самим с собой.*

*Бороться не с природой, не друг с другом –
Бороться до последних самых дней
С незнанием, ленью, страхом и испугом,
С завистливостью, с жадностью своей.*

*Без перемирий и без перерывов –
За всё, на чём от века мы стоим –
Бороться будем – значит, будем живы,
А коли будем живы – победим.*

«Я предпочёл бы не заниматься этим проектом»

– *Почему именно сейчас Вы осуществляете издательский проект по созданию поэтических сборников? Что-то совпало или появилась поддержка?*

– Никогда бы этот проект не возник, если бы литература жила так, как она жила в Советском Союзе. Я, когда с подводной лодкой распрощался, начал издавать книги. За пять лет – четыре. Две из них – в Москве. В «Молодой гвардии» вышел сборничек «Честь флага». Тираж 15 тысяч экземпляров. Сопоставимые тиражи были в издательстве «Современник». В «Дальневосточном издательстве» – 3 тысячи, на периферии поэтические книги издавали таким объёмом.

Ты принёс рукопись в издательство, прошёл рецензирование. Книгу включили в издательский план. По выходу в свет ты за неё гонорар получил. А ведь были ещё газеты, журналы, которые разительно отличались от нынешних. За каждую публикацию платили, на эти деньги можно было жить. Кроме того, по линии Бюро пропаганды советской литературы, Общества «Знание» или Общества книголюбов поэтов ждали с выступлениями на предприятиях и в учреждениях. Была специальная статья расхода, с которой деньги на посторонние нужды умыкнуть было невозможно. Если путёвку подписали, печать поставили – получай. Ты ещё начинающий – 8 рублей, член Общества знания – 10 рублей, а если член Союза писателей, то все 15. В течение месяца в обеденные перерывы выступил на Дальзаводе 10 раз, в кармане полторы сотни. По тем временам очень хорошие деньги.

Если бы литературная жизнь в стране не изменилась, мне не пришлось бы затевать этот, довольно, в общем-то, скромный проект – пять томиков, пять тетрадей «Избранного». Ничем подобным я и не думал заниматься, пока можно было реализовать свой потенциал в государственных издательствах. Теперь их, государственных, просто нет. И сборники выходят мизерным тиражом. Книгу надо написать, напечатать за свои кровные, а затем ещё найти читателя, который захочет её купить (идеальный

вариант) или хотя бы прочитать. Я предпочёл бы не касаться издательского дела, но тогда и писать ничего не стоит. Писатель без читателя – пустое место. Я благодарен своей жене, Ольге Николаевне Тыцких: «Избранное» издаётся на её деньги.

– *А каким образом Вы сегодня находите путь к своему читателю?*

– Путь такой, как у всех моих друзей-писателей. Раньше, когда мы занимались журналом «Дальний Восток» и сотрудничали с Владимиром Постышевым, выпускавшим в Арсеньеве еженедельник «Литературный меридиан», мы сами для многих авторов, не только приморских, выступали в роли, скажем так, литературных агентов. Дни славянской письменности и культуры организовывали. С теми, кто в глубинке готов был нас принять для проведения литературных встреч, творческих вечеров, работали вовсю. Но для этого ведь нужны были какие-то ресурсы. Вячеслав Иванович Седых, ректор Морского университета имени Невельского, больше всех помогал с автопробегами. И гранты мы получали от министерства культуры России, и пару раз помогала краевая администрация. Каждая поездка прибавляла читателей и друзей. Они снова приглашали нас, обеспечивая и проживание, и возможность доехать в нужное место. Книжки помаленьку покупали.

В настоящее время, к сожалению, ничего этого нет. Почти нет. Я и друзья мои с удовольствием поедem, если пригласят, в любой город, в любое село Приморского или Хабаровского края. Знаем, что там будет и аудитория, и встреча на хорошем уровне. Да за морем телушка – полушка, ан рубль – перевоз. Бензинчик кусается. Мы, за редкими случаями, работаем только в столице Приморья. Это сегодня сложно. Кто из руководителей частных компаний будет в восторге от того, что придут какие-то люди и на какое-то время оторвут их подчинённых от станков и прилавков? Ну, есть воинские коллективы, где мы бываем. Подшефные школы, например, №15 на острове Русском. К сожалению, во всём этом нет системы, хотя мы работаем без всяких условий, бесплатно, даже себе в ущерб. Своё дело сделал ковид, но

означенный процесс стартовал задолго до эпидемии и не закончится с её окончанием. Понимаете, живое дело теснится везде: в школах и библиотеках народ затуркан всякими планами и отчётами, начальственной глупостью, неустройством, просто бедностью. Поговорите с преподавателями в университете, насколько сегодня их общение со студентами заменено «общением» с бумагами, разрушительным реформированием, не просто бессмысленным, а вредным формализмом. Трудовым коллективам, где они ещё есть, вообще, не до нас. Культура, литература отодвинуты на обочину общественной жизни, подменяются шоу-бизнесом и, мягко скажем, сомнительным чтивом. Как результат – тектонические по смыслу и последствиям сдвиги в читательском мире. Людям не хватает времени, или вкусы у них поменялись, но уже нет у них, особенно у молодёжи, потребности встречаться с авторами. А мы готовы к общению в любое время...

– На Ваши стихи пишут песни. Для Вас это ещё одна возможность пропаганды своего творчества?

– Пропагандой творчества, как я её понимаю, ни я, ни мои друзья не занимаемся. В той или иной форме эта самая пропаганда, конечно, была всегда. Сегодня, с развитием информационных технологий, создана мощная индустрия даже не пропаганды, а изошрённой раскрутки всего и вся. В том числе и творчества во всех его видах. В этом деле много нечистого, много обмана, неприкрытого какого-то цинизма. Для участия в нём нужны определённая этика-эстетика, особые умения и возможности. Ничего этого у нас нет.

Песни, по большому счёту, пропагандисты сами себе. Я прикоснулся к этому жанру неожиданно. В 1982 году крайком комсомола учинил среди школьников и студентов какое-то соревнование, победители которого на большом десантном корабле ходили в поход «По местам боевой, трудовой и революционной славы». Руководители похода, комсомольские вожаки Виталий Хрипченко и Олег Мельников бросили клич –

написать песню. Несколько молодых стихотворцев, которые были на борту корабля, в том числе и я, сочинили свои тексты. Бард Виктор Плоткин положил на музыку мои слова. Так родилась «Песня недалежного похода». Это событие было для меня радостным, счастливым, но казалось случайным. Прошло больше десяти лет прежде, чем я познакомился с профессиональным композитором Александром Гончаренко. В 1993 году более ста работников культуры Сахалина, Хабаровского и Приморского края на паруснике «Паллада» ходили в Японию. Уникальный поход «Караван дружбы» организовал начальник приморского управления культуры Виталий Хрипченко. В Японии нас развезли по шести префектурам. Я оказался в Киото. В «Гранд-отеле» жил в одном номере с Александром Гончаренко. Однажды он сказал: «Какой ты поэт, если песен не пишешь?» Так началось моё сотрудничество с профессиональными композиторами и музыкантами. Их много. Юрий Бирюков, Николай Губин, Анатолий Калекин, Константин Селиванов, Владимир Синенко, Анатолий Тихонов... С кем-то больше, с кем-то меньше, а с некоторыми из них написаны десятки песен. Например, с Николаем Губиным, автором поистине народных: «Сейнер идёт на Север» и «Мети, метель вишнёвая», которую пела ещё сама Людмила Зыкина. Только песен для детей о морских обитателях у нас с Николаем Александровичем больше десятка.

Обычно композиторы предлагают написать стихи на определённую тему. Параллельно сам по себе идёт другой процесс: внимание профессионалов, авторов-исполнителей, любителей самодеятельной песни привлекает стихотворение, которое где-нибудь напечатано. В таком случае автора текста не всегда и спрашивают, часто поэт и композитор просто не знакомы. Ты можешь услышать песню на свои слова через годы, а можешь никогда о ней не узнать. Лучше, когда авторы работают совместно. Мне очень дорого творческое содружество с земляком-владивостокцем Александром Бурнаевским, с Геннадием Титок из Камень-Рыболова.

В судьбе песни, в её «пропаганде» первостепенно важно исполнение. Перечислить всех исполнителей «моих» песен нереально. Но об одном человеке я не могу не сказать. Это Анатолий Якименко – создатель, художественный руководитель и дирижёр Эстрадного оркестра Морского государственного университета им. Г.И. Невельского. Мы познакомились в Москве на первом в нашей стране собрании маринистов, организованном Общероссийским движением поддержки флота. Нам надо было из Владивостока в Москву съездить, чтобы встретиться! Анатолий Леонидович придумал и сделал дело, которое мне даже не снилось. Дважды в течение года – в Доме офицеров флота и во Дворце культуры железнодорожников – провёл концерт Эстрадного оркестра, где исполнялись песни разных композиторов на стихи одного автора (В.М. Тыцких – ред.). Сколько живу во Владивостоке, ничего подобного не видел.

Стихи очень сильно выигрывают, становясь песней. И обаяние исполнителя, и музыка усиливают эмоциональное воздействие стихотворения. Текст требует определённой подготовки читателя, который должен что-то понимать в художественном слове. Музыка, если она талантливо написана, проникает напрямую в сердце. Автор стихотворений, которые становятся песнями, – человек счастливый.

Монолог неизвестного

*Я это право вынянчил судьбой,
Я, бывший то изгоем, то паяцем,
Сегодня становлюсь самим собой:
Мой час пришёл, мне нечего бояться.*

*Я столько лет в себе себя хранил,
Лечил молчанье горестным раздумьем.
Хранил...А если...Если – хоронил
И трусость величал благоразумьем?!*

*Что если сам собой обманут я,
Мой полис страховой – фальшивый полис.
А совесть безутешная моя –
Не слишком ли сговорчивая совесть?..*

О счастье

– Тогда, Вас можно назвать счастливым человеком?

– По многим обстоятельствам так оно и есть. Для себя я определил формулу счастья, и когда мне кажется, что жизнь как-то не очень хорошо складывается, вспоминаю об этой формуле.

Мы все хотим счастья. Но что оно такое, как оно выглядит, с чем его едят? Наверное, каждый понимает это по-своему. Часто – весьма абстрактно, неопределённо. Ясно одно – счастье само не приходит. Его надо добиваться, к нему надо стремиться, его следует заслужить. Однако, как заслужить то, о чём не имеешь чёткого представления? Из чего состоит счастье – на этот вопрос я искал ответа большую часть жизни. Никому не навязываю мнения, к которому пришёл, но едва ли кто-то или что-то заставит меня думать по-другому.

Первое условие счастья – найти в себе себя. Каждый человек для чего-то рождён, для конкретного, именно своего, дела. Надо угадать, разглядеть своё предназначение, найти своё место. Может быть, все малые беды и великие несчастья на земле происходят от того, что многие люди не находят себя, занимают чужое место, делают то, что должны делать другие.

Потом, когда человек нашёл своё дело, нужно на нём сосредоточиться, отдать ему всецело, не отвлекаясь на соблазны, которыми богата жизнь, не тратя время попусту, не размениваясь на приятные и красивые, но малополезные вещи. Это трудно, очень трудно. Жизнь идёт, тебе тридцать, сорок, пятьдесят лет, а ты всё в одну точку бьёшь. Но по-другому нельзя. Открыть свои способности во всей полноте, по максимуму реализовать свой творческий, интеллектуальный, духовный потенциал ты можешь только так. И тогда вправе рассчитывать на признание социумом

твоих достижений. Но это уже не обязательно. Социум, по разным причинам, далеко не всегда вовремя и адекватно оценивает дела человеческие. Не всем героям дают «героев» при жизни и даже после неё. Однако такое непризнание результатов труда трагически может влиять лишь на человека слабого, который думает не о деле, а о том, как он выглядит при этом деле. Тысячу раз был прав Константин Станиславский, утверждая: «Надо любить искусство в себе, а не себя в искусстве».

Счастливая жизнь – это не синоним лёгкой жизни. Счастливы ли чемпион олимпийских игр, когда он стоит на пьедестале? Безусловно. Но победа – результат упорных тренировок и преодолений. Преодолений, прежде всего, себя самого. Слабости своей, усталости, отчаяния, неверия в свои силы. А солдат, который один из целого взвода пришёл живым с войны в родное село? Счастлив! А можно сказать, что ему было легко?

Когда человек думает о счастье, как о чём-то лёгком, приятном, он рискует обмануться жестоко и непоправимо. Счастье – не выигрыш в лотерею и не богатое наследство. Допускаю, что с этим моим убеждением согласятся не все. Как не все согласятся с тем, что можно стать счастливым, если научиться радоваться успехам других людей. Ну, что ж: жизнь бесконечно многообразна, и, может быть, счастье – тоже. Значит, выбор есть. И тогда: хочешь быть счастливым – будь им!

Все стихи, приведённые в тексте, взяты из сборника В. Тыцких «На высоте океана».

Материал подготовила С.Б. Маликова

*Уже для нас буксир разводит боны,
Ложимся курсом на приветный створ,
И рулевой-сигнальщик со старпомом
Неуставной заводят разговор*

*О том, что, мол, одна на всех планета
И всё-таки у каждого своя
Дорога сквозь закаты и рассветы,
Свои причалы и своя земля;*

*И старый сад, и травы молодые,
И отчий кров, и свод небес над ним,
Где вдруг напомнят тучи грозовые
Растаявший над палубою дым.*

*К заветному крыльцу тропинка вьётся.
Петляет за околицей река.
И моряку без них не заживётся,
И им никак не жить без моряка...*

*До пирса за грядою волнолома
С полдюжины томительных минут...
В краю родимом ждут-пождут старпома,
В отцовском доме рулевого ждут.*

*Волна, вскипая, бьёт земле поклоны,
И путь домой далёк, и между тем
Уже для нас буксир разводит боны,
И всё на свете связано со всем:*

*Земля и море под луной и солнцем.
Корабль, который к берегу идёт,
И Родина, куда мы все вернёмся,
Когда сумеем защитить её.*